

УДК 94

БОРЬБА СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ С ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЬШИ В ПЕРИОД 1944–1945 гг.

С. И. Белов

Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова

Статья посвящена политике советского командования в деле профилактики и пресечения преступных действий военнослужащих Красной Армии против гражданского населения Польши в 1944–1945 гг. Освещены масштаб и характер подобных деяний, исследована эволюция системы мер по борьбе с ними. Особое внимание уделяется противодействию распространения мародерства и урегулированию проблемы военнослужащих, отставших от своих частей. Дана общая оценка эффективности борьбы командования с противоправными действиями военнослужащих в отношении мирного населения.

The present study is focused on the Soviet command policy on prevention and suppression of criminal actions of the Red Army soldiers against the civilian population of Poland in 1944–1945. Covered are the scope and nature of such actions; studied is the evolution of the system of measures taken to combat them. General assessment of the effectiveness of the Command when fighting the illegal actions of servicemen against the civilians is given.

Ключевые слова: Красная Армия; Польша; гражданское население; противоправные деяния; пресечение и профилактика.

Keywords: the Red Army; Poland; the civilian population; unlawful acts; suppression and prevention.

На сегодняшний день искажение истории России XX в. является одной из наиболее обсуждаемых проблем. Интерес к данному вопросу со стороны как достаточно узкого слоя специалистов, принадлежащих к академическим кругам, так и со стороны широкой общественности обусловлен рядом обстоятельств, среди которых первоочередное значение имеет негативное влияние, которое оказывает искажение исторических событий на мировоззренческие установки граждан нашей страны.

Существующая в массовом историческом сознании относительно устойчивая версия истории играет в современном обществе роль основы национально-гражданской идентичности и культурной преемственности поколений [1, с. 91]. Разрушение же единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единый народ перестает ощущать себя таковым. Закономерным результатом последнего становится рост политического экстремизма в формах национал-шовинизма и сепаратизма. Люди, лишённые собственной исторической и культурной идентичности, автоматически превращаются в целевую аудиторию для идеологов разного рода радикалов. Именно по этой причине история столь часто используется в качестве инструмента социального проектирования, в том числе в ходе информационных войн на международной арене.

На сегодняшний день особой популярностью среди фальсификаторов пользуется тема освободительной миссии Красной Армии в странах Восточной и Центральной Европы, в первую очередь – в Польше [2–6]. В массовое сознание как россиян, так и граждан зарубежных стран активно пытаются внедрить образ советских военнослужащих как грабителей, насильников и убийц, прокатившихся волной террора по польской земле [7].

Популяризация подобных стереотипов подрывает как сложившуюся систему международной безопасности, так и внутреннюю стабильность Российской Федерации. В этой связи изучение вопроса о противоправных деяниях советских военнослужащих по отношению к гражданскому населению Польши и борьбе с этим явлением со стороны командования в период Великой Отечественной войны автоматически включается в число тем, наиболее актуальных для исследователей, специализирующихся на изучении новейшей отечественной истории и международных отношений.

Приступая к подготовке ввода частей Красной Армии на территорию Польши, представители советского руководства прекрасно осознавали политическое значение такого фактора, как лояльность местного населения. Достижению данной цели, помимо всего прочего, должны были способствовать решительные меры, направленные на предотвращение и пресечение противоправных действий со стороны советских военнослужащих по отношению к местному населению. В директивных инструкциях, созданных на основе постановления Государственного комитета обороны от 31 июля 1944 г., содержался запрет на присвоение личной собственности жителей освобождаемых территорий. Равным образом бойцам воспрещалось заниматься рубкой леса или же предлагать местным жителям советскую валюту. В качестве санкции за нарушение указанных норм было установлено предание обвиняемых суду военного трибунала [8–9].

Необходимо уточнить, что представлял собой военный трибунал в период Великой Отечественной войны. Система военных трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, была сформирована 22 июня 1941 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР и утвержденным им «Положением о военных трибуналах» [10, с. 19–20]. В сферу компетенции трибуналов было включено рассмотрение дел о преступлениях, направленных на подрыв обороны, общественного порядка и государственной безопасности в районах, объявленных на военном положении. Работу трибуналов характеризовало максимальное сокращение времени проведения судебных процедур и секвестирования прав подсудимых – дела рассматривались по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. При этом приговоры военных трибуналов не подлежали кассационному обжалованию и могли быть отменены лишь в порядке надзора. Таким образом, предание суду военного трибунала автоматически означало вынесение с большой вероятностью обвинительного приговора без возможности кассации и весьма низкими перспективами отмены или приостановления [10, с. 19–20].

Уровень противоправных деяний красноармейцев по отношению к гражданскому населению Польши наглядно демонстрируют материалы 1-го Украинского фронта. К 7 августа 1944 г. (т.е. через три недели после вступления на территорию Польши) прокуратурой фронта было возбуждено 100 дел по факту правонарушений, совершенных советскими военнослужащими на территории Польши. Свыше 50 из них на тот момент закончились осуждением обвиняемых. При этом среди вменяемых в вину солдатам и офицерам Красной Армии преступлений имелось лишь 4 эпизода изнасилования и 1 случай убийства. На фоне того, что общая численность войск 1-го Украинского фронта, пребывавших на тот период на территории Польши, была приблизительно равна 1,2 млн человек, это позволяет предположить, что по меньшей мере на начальном этапе освобождения «генерал-губернаторства» правонарушения не были характерны для поведения абсолютного большинства красноармейцев. Гораздо чаще, нежели эпизоды убийств или изнасилований имели место, несмотря на строгий запрет со стороны командования, случаи мародерства и грабежей на освобожденных территориях. На заседании Военного совета 1-го Украинского фронта 7 августа 1944 г. было упомянуто всего 20 зафиксированных случаев мародерства со стороны солдат соединений, подчи-

ненных маршалу И.С. Коневу. Чаще всего имели место случаи присвоения лошадей и гуртов скота. Например, член Военного совета 3-й гвардейской армии генерал-майор И.С. Колесниченко упоминал о захвате 32 лошадей. При этом подчеркивалось, что виновники в большинстве случаев были обнаружены и понесли заслуженное наказание. Командование 1-го Украинского фронта также обращало внимание на то, что поляки, «как ярые частные собственники», крайне жестко реагировали на случаи потравы хлебов и овса. Особенно часто подобные обвинения звучали в адрес 6-го кавалерийского корпуса. Последнее подразделение также заработало себе дурную славу среди поляков в процессе заготовок – его представители вместо денег выдавали хозяевам ферм некие бумаги, по которым советское правительство якобы должно было компенсировать землевладельцам все издержки после завершения войны [11; 12, с. 236–276].

В дальнейшем, по ходу развертывания операций на территории Польши в 1944 г., советское командование, стремясь сократить возможности для противоправных действий со стороны военнослужащих, реформировало порядок проведения заготовок продуктов питания (последние было приказано приобретать исключительно через подрядчика и только за наличный расчет, а затем складировать на сборных пунктах) и четко регламентировало перечень материальных ценностей, подпадающих под категорию «трофеи» (ими могло считаться только имущество воинских частей противника, исключая ценности, награбленные у местных жителей). Помимо того, было положено начало практике компенсации гражданскому населению урона, понесенного в результате действий мародеров [13, 14].

В 1945 г. система противодействия противоправным действиям военнослужащих в отношении гражданского населения Польши продолжала совершенствоваться. Начиная с 1 марта 1945 г. командованием действовавших на территории Польши фронтов был реализован следующий комплекс мероприятий. Первым его составным элементом стало назначение в трехдневный срок комендантов во всех населенных пунктах, где представители военной администрации ранее отсутствовали. При этом коменданты конкретных населенных пунктов передавались в прямое подчинение уездным и районным комендантам, назначаемым Военным советом фронта. Также во всех крупных населенных пунктах было приказано расположить гарнизоны, формируемые за счет ресурсов запасных частей, курсов младших лейтенантов, войск охраны тыла, специальных и тыловых частей. Гарнизонам предписывалось вести усиленное круглосуточное патрулирование, осуществляя в том числе проверку поведения и формы одежды военнослужащих [15].

Всех пьянствующих и так называемых «отставших» приказывалось немедленно задерживать, арестовывать и под конвоем отправлять в штаб армии, откуда нарушители дисциплины из числа рядового и сержантского состава должны были отправиться в стрелковые части на передний край, независимо от рода войск. Офицеров же ожидал суд чести. На всех основных магистралях предписывалось в двухдневный срок создать подвижные патрули численностью 10–15 человек во главе с 1–2 офицерами в звании до майора с приданием подобным группам техники – 1 бронетранспортера и 1 грузовой машины. В городах и иных крупных населенных пунктах вдоль дорог предписывалось создать пункты техпомощи, учреждения сферы питания и общежития для проходящих мимо одиночных военнослужащих и групп красноармейцев, запретив остановку автомашин и подвод помимо данных пунктов. Нарушителей данной инструкции было приказано задерживать, изымая их транспорт, а затем отправлять в стрелковые части по указанию Военных советов армий [16].

Военным комендантам и комендантско-дорожной службе было дано четкое предписание – безоговорочно изымать любые транспортные средства, на которые у военнослужащих отсутствуют соответствующие документы. При этом на любые ходатайства о возвращении

автомашин и мотоциклов налагался запрет. Также в проекте директивы была прописана персональная ответственность командиров соединений за поведение своих подчиненных, а также обязанность Военных советов армий привлекать руководство замеченных в нарушении дисциплины частей к ответственности [16].

Наличие ряда последовательно созданных нормативных актов, созданных на уровне командования фронтов и направленных на борьбу с мародерством, указывает, с одной стороны, на перманентную актуальность данной проблемы на протяжении указанного периода пребывания советских войск в Польше, а с другой – свидетельствует о наличии у командования Красной Армии жесткой установки на борьбу с подобными явлениями. В то же время необходимо отметить, что решение данной задачи затруднял ряд объективных факторов: распространение аномийных моделей поведения, присущих любой армии, участвующей в интенсивных боевых действиях; проблемы, связанные со снабжением войск и материальным положением семей военнослужащих, обусловленные как высокими темпами наступления, так и состоянием советской экономики; наличие большой массы собственности, оставленной вермахтом, кригсмарине, органами оккупационной администрации и коллаборационистами, – подобное имущество рассматривалось солдатами как законный трофей, присвоение которого не имело ничего общего с мародерством.

Таким образом, можно заключить, что советское командование активно боролось с практикой противоправных действий военнослужащих в отношении мирного населения Польши. Система же мер, направленная на профилактику и пресечение подобных правонарушений, постоянно совершенствовалась. Последнее же свидетельствует о том, что политическое и военное руководство СССР прекрасно понимало опасность «примиренческого» отношения к противоправным действиям военнослужащих в отношении мирных граждан Польши. При этом структура мер, предпринятых советской стороной, косвенным образом указывает на то, что большинство правонарушений со стороны красноармейцев были направлены против собственности, а не против личности поляков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вяземский Е.Е.* Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.

2. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. *А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда*; отв. ред. *А.В. Мальгин, М.М. Наринский*. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

3. *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. 368 с.

4. *Гришин Я.Я.* Синдром русофобии. Россия и Польша: история взаимоотношений. Казань: Танзаря, 1995. 304 с.

5. *Никифоров Ю.А.* О современных приемах искажения прошлого // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4–11.

6. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Российская история. 2007. № 2. С. 139–151.

7. Изнасилование под танком: художник инициировал дискуссию о прошлом Гданьска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20131017/213952307.html> (дата обращения 21.02.2014).

8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 3, 5.
9. Там же. Д. 33. Л. 71.
10. *Латышева Н.А.* Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 19–21.
11. ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 1–3, 10, 12, 19.
12. *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. 368 с.
13. ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 3, 5.
14. Там же. Д. 33. Л. 71.
15. Там же. Л. 406, 407.
16. Там же. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 406–408.

Поступила в редакцию 01.10.2015 г.

Принята к печати 28.12.2015 г.